

Ткаченко Владимир Глебович

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/r-110926

**К ВОПРОСУ О ГРАМОТНОСТИ ВОЕВОД И ИХ РОЛИ
В ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА И АРХИВНОМ ХРАНЕНИИ
ДОКУМЕНТОВ: НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НА ОСНОВЕ
ИСТОЧНИКОВ XVII ВЕКА ПО ИСТОРИИ ЧУВАШСКОГО КРАЯ**

Аннотация: в статье поднята малоизученная проблема грамотности воевод и их отношение к документационной деятельности местных приказных изб. На основе анализа сохранившихся источников делается вывод о бесосновательности утверждений о безграмотности воевод и их некомпетентности в вопросах документирования управленческих процедур и обеспечения сохранности документов. Значимость поднятых в статье вопросов, полагает автор, требует дальнейшего, более углубленного подхода в раскрытии темы подготовленности воевод к управленческой деятельности, в том числе их грамотности, а также вовлеченности в процессы документирования и архивного хранения документов.

Ключевые слова: архив, воевода, делопроизводство, прикладывание руки.

* Условное обобщенное название территории, включавшей три уезда Казанской губернии: Цивильский, Чебоксарский и Ядринский, а также части территорий Алатырского, Буинского и Курмышского уездов Симбирской губернии, где согласно Всероссийской переписи 1897 г. компактно проживало более 478 тыс. чуваш.

В паремиологическом наследии русского народа воевода, осуществлявший административные функции по управлению территорией уезда или городом, – имя нарицательное. Подтверждением тому служит немалое количество пословиц и поговорок, среди которых имеется и такая: «Судить и рядить не умею, а на воеводство садят» [4].

В отечественной историографии также достаточно давно утвердилось мнение о безграмотности воевод, выполнявших функции представителя верховной власти на местах. Так, Б.Н. Чичерин настаивал на том, что «воеводы были большею частью безграмотные, не умели считать; поэтому письмоводство и счетоводство всегда зависели от одних дьяков и подьячих, на которых лежала и ответственность в приходе и расходе денежной казны и всяких запасов» [11, с. 80].

Это мнение разделял Н.Г. Чернышевский в рецензии на сочинение Б. Чичерина, в которой он утверждал: «Приехав на место, воевода принимал дела и казенное имущество от своего предшественника; но ответственность обыкновенно лежала тут на дьяках, по частой безграмотности воевод и незнакомству их с делами и счетами» [10, с. 575].

Свою лепту в формирование негативного образа воеводы-администратора внес И.Е. Андреевский, полагавший, что «при назначении воеводы не обращалось внимания на способности назначаемого, но имелась в виду главным образом его прежняя служба, его служебное дородство; <...> до XVIII столетия гражданская служба не отделилась по признакам от военной; лица, способные для войны, считались способными и для воеводства» [3, с. 40]. При этом, доказывал ученый, «не имея большею частью юридического образования», они «не могли быть удовлетворительными органами и представителями Московского правительства» [3, с. 42]. Правда, где и как можно было получить такое образование в то время он не уточнял.

Подобные оценки имели место и в советской историографии, в том числе по региональной истории. В частности, казанский историк И.П. Ермолаев считал, что воеводы к документации «кажется, не прикасались и за что не несли никакой ответственности» [7, с. 45].

При всем обилии литературы по проблемам воеводского управления лишь в немногих исследованиях предпринимаются попытки взвешенной оценки глав местного управления с точки зрения уровня их подготовленности к подобного рода деятельности.

Нисколько не умаляя результаты проделанной исследовательской работы и выводы указанных и других авторов, нельзя не задаться некоторыми вопросами. Первый – как при неграмотности (если не поголовной, то «большою частью») воевод система государственного управления Московского государства выдержала испытание временем, а само воеводское управление показало свою эффективность по сравнению с предыдущим периодом?

В поисках ответа на этот и другие вопросы для начала остановимся на процедуре назначения воеводы. Все авторы отмечали, что инициатива в этом вопросе принадлежала соискателю должности, обращавшегося с письменной просьбой к царю или в приказ – Разрядный или территориальный. В этой связи весьма ценным представляется следующее наблюдение В.Н. Глазьева: «От первой половины XVII в. известны единичные челобитные о назначении воеводой, скорее всего, большинство их не сохранилось. Для второй половины XVII в. челобитные о назначении на воеводство – *массовый источник*». При этом, как отмечает исследователь, главным основанием для назначения на воеводство считались «служба, служебные заслуги, участие во многих военных походах». С этой целью «челобитчик отмечал год начала службы, участие в дальних походах, выполнение важных правительственных поручений» [5, с. 166].

Таким образом, все сказанное предполагало наличие у него хотя бы минимальных письменных навыков.

В случае положительного решения вопроса, вновь назначаемый воевода получал «царский» наказ, представлявший собой иногда довольно объемный по содержанию документ, регламентировавший его деятельность. Трудно представить себе администратора, который был бы не в состоянии прочитать выданный ему правовой акт, являвшийся в ряде случаев весьма подробной инструкцией с перечислением широкого круга полномочий по управлению вверенным ему уездом или городом.

Прибыв на место, новый воевода должен был принять дела, денежную казну и казенное имущество у своего предшественника. Отметим, что прием-передача

документов текущего делопроизводства и архива – обязательная, законодательно установленная управленческая процедура, призванная обеспечить преемственность в деятельности местной администрации. Причем исполнялась она неукоснительно, так как только после нее сменяемый воевода имел право покинуть место своей службы и отправиться с отчетной документацией в Москву, а новый мог считаться вступившим в должность лишь после отправки «подлинной росписи» в приказ Казанского дворца. При этом нельзя обойти вниманием такую немаловажную деталь как «прикладывание руки» воеводы на составлявшуюся при смене роспись – акте приема-передачи дел, что означало подтверждение правильности приведенных в ней сведений.

Соответствующее свидетельство имеется в росписи 1615 года о приеме-передаче городских ключей и дел при смене Ф.И. Михалкова воеводой А.И. Чоглоковым в городе Чебоксары. На ее обороте по склейкам имеется запись: «К сей росписи Олександр Чоглоков руку приложил» [6, с. 289]. До этого по причине отсутствия воеводы А.П. Вельяминова при его смене Ф.И. Михалковым свою подпись на аналогичном документе поставил племянник первого Ф. Вельяминов [6, с. 288].

Подписание документов воеводами санкционировалось верховной властью. Например, в наказе вновь назначенному в 1611 г. ядринскому воеводе М.И. Соловцову говорится: «<...> Да что у него возмет, и Мисюрю (т. е. Соловцову – *В.Т.*) *то все велети написати на список подлинно, да к тому списку Василью (Кушникову, бывшему воеводе – В.Т.) велети рука своя приложити*» [1, Стб. 526].

Аналогичное указание имеется и в наказе царя Михаила Федоровича назначенному в город Чебоксары воеводой Ф.И. Михалкову от 14 июня 1613 г.: «А что при ево сиденье (А.П. Вельяминова – *В.Т.*) окладных всяких доходов в доимке, и ему тем даимочным доходом у Ондрея взяти роспись за ево рукою» [6, с. 285].

Требование подписывать документы распространялось не только на процедуры, связанные с приемом-передачей дел. Так, государевой грамотой от 28 апреля 1678 г. ядринскому воеводе Л.В. Лопухину было «велено ядринским окладным и неокладным денежным и всяким доходом приходные и расходные книги прошлого 185-го году *за своею рукою* со всяким очищением отослать в Ядрине

на съезжей двор к стольнику к Тимофею Чоглокову да к подьячему к Василью Капустину» [8, с. 189].

Предписание заверить копию документа имеется в указной с прочетом грамоте из Приказа Казанского дворца алатырскому воеводе Ф.И. Нащокину об отводе Киево-Николаевскому новодевичьему монастырю заводи Старица от 19 февраля 1640 г.: «А прочеть сю нашу грамоту и списав с нее список слово в слово [да тот] *список за своею рукою, оставил в нашей казне в съезжей избе*» [2, с. 8].

Такое же указание имеется в аналогичной грамоте из Приказа Казанского дворца чебоксарскому воеводе Е.А. Пашкову от 16 октября 1683 г.: «А велено в Чебоксарех в приказной избе Чебоксарского Троецкого монастыря на их вотчину и на сенные покосы, и на мельницу с прежних вотчинных грамот с списков списки и отказные книги 133 [1624/25]-го годов, списав слово в слово, *закрепя тебе своею рукою, прислать к нам, великим государем, к Москве в Приказ Казанского дворца*» [9, с. 155]. Причем, как видим, в данном случае речь идет о заверении архивной копии документа. Как следует далее из текста документа, это предписание было выполнено: «И в нынешнем во 192-м году сентября в 15 день писал ты к нам, великим государем, и *прислал* Чебоксарского Троецкого монастыря монастырской пашенной земле *с прежних жалованных грамот и з записи, и с выписи с списков списки за своею рукою*» [9, с. 155].

В указной грамоте приказа Казанского дворца ядринскому воеводе Я.Ф. Селиверстову о присылке приказным судьям дела по челобитью бывшего воеводы Л.В. Лопухина на приказного подьячего К. Медведева от 13 октября 1684 г. содержится предписание: «<...> И ты б то судное дело прислал из Ядрина к Москве *за своею рукою*» [8, с. 303].

Неукоснительное соблюдение подобных требований подтверждает целый ряд документов. Например, на грамоте из Приказа Казанского дворца ядринскому воеводе И.И. Аничкову от 5 марта 1666 г., на обороте первого листа и по скрепе написано: «*К сему стиску Иван Аничков руку приложил*» [8, с. 69]. Алатырский воевода С.И. Кузьмин-Караваев проставил подписи на полях межевой книги и выписи из писцовых и межевых книг на вотчинные земли и угодья в селе

Ичиксы и в деревне Новый Усад Кладбищи тож Алатырского уезда, данных архимандриту Троице-Сергиева монастыря Викентию с братией соответственно в ноябре и декабре 1687 года [2, с. 216, 220]. То же самое сделали его коллеги: М.Х. Лопухин – на выписях из межевых книг 1691 года на монастырскую вотчину в Алатырском уезде и из отдаточных книг на беглых крестьян, данных соответственно 18 января и 19 февраля 1692 г. архимандриту Троице-Сергиева монастыря с братией и строителю Троице-Алатырского монастыря Ф. Рагозину [2, с. 226–227]; Я.Г. Тухачевский – на выписи из отказных книг на выменянные бортный ухажай, сенные покосы и рыболовные угодья в Верхнесурском стане Алатырского уезда, данной 16 августа 1697 г. строителю Троице-Алатырского монастыря Вассиану с братией [2, с. 287].

В своей повседневной деятельности воеводы сталкивались и с необходимостью взаимодействия со своими коллегами из других городов и уездов. И в этом случае имеются факты их личного участия в переписке. Как следует из посланной в октябре 1669 г. отписки ядринского воеводы И.А. Чемесова по запросу симбирского воеводы И.И. Дашкова об отправке в Симбирск архивных копий по делу А. Созонова из найденного в Ядринской приказной избе списка с дозорных и с переписных книг «письма и дозору Богдана Змеева да подьячево Степана Ушакова 154 [1645/46]-го году» были сделаны соответствующие выписки. «И те выписи, – указывается в документе, – послал я к тебе, господине, в Синбирск под сею отпискою *за своею рукою* с московским салдатом с Стенькою Емельяновым октября в 9 день» [12, Л. 11.].

Факты подписания документов, очевидно, нельзя считать прямым доказательством грамотности воевод. Однако «прикладывание» ими руки все же указывает на их вовлеченность в вопросы документирования управленческой деятельности, особенно ее финансово-хозяйственной составляющей.

В сохранившихся источниках имеются и свидетельства о работе воевод с самими документами. В этой связи следует отметить встречающиеся на документах пометы воевод. Так, на обороте второго листа списка с грамоты из Приказа Казан-

ского дворца ядринскому воеводе И.И. Аничкову от 5 марта 1666 г. указано: «Великого государя грамоту взял я, Иван Аничков, к себе» [8, с. 69]. А в данной выписи стольника и воеводы Д.И. Лаговчина архимандриту Троице-Сергиева монастыря Викентию с братией на Кажнееву поляну в Алатырском уезде от 11 марта 1681 г. записано: «И по указу великого государя <...>, и по помете на челобитной стольника и воеводы Дмитрея Ивановича Лаговчина <...>» [2, с. 170].

Таким образом, наличие не только воеводской подписи на бумагах, но и непосредственное участие воевод в документационных процессах, не следует оценивать, как нечто исключительное. Судя по всему, подписание воеводами различных видов документов – обычная управленческая практика, существовавшая, как минимум, уже в начале XVII века, а необходимость вникать в содержание бумаг – одно из условий эффективности их деятельности.

Тщательно прописанная в наказах и указных грамотах процедура приема-передачи дел предполагала преемственность в деятельности воевод, которые должны были руководствоваться также ранее присланными документами. Например, в наказе от 29 июля 1611 г. вновь назначенному в город Ядрин воеводе М.И. Соловцову предписывалось: «Да по тому прежнему наказу, каков в Ядрине у Василья (Кушникова, прежнего воеводы – *В.Т.*) возмет в казне, и по сему наказу ведати в Ядрине город и посадцких и служилых и уездных людей во всем» [1, Стб. 526–528].

В аналогичном наказе Ф.И. Михалкову от 14 июня 1613 г. содержится такое же указание: «А самому ему, будучи в Чебоксарех, *всякие государевы дела делати по прежним государевым наказом и по грамотам*, и по сему государеву наказу, и каковы государевы грамоты учнут к нему приходить ис Приказу Казанского дворца» [6, с. 286].

И здесь снова возникает ряд вопросов. Мог ли держать в памяти такое количество информации воевода для отправления своих обязанностей, не обращаясь периодически к содержанию документов? В случае неспособности их прочтения и восприятия лишь «на слух» со слов дьяка или подьячего, не должен ли он был обладать недюжинными способностями, чтобы запомнить содержание

значительного количества документов? Мог ли воевода не сознавать, какой груз ответственности, в том числе материальной, ложится на него, чтобы слепо довериться подчиненным ему приказным служащим?

Таким образом, значимость поднятых в статье вопросов с учетом расширения и усложнения функций и задач местного управления на протяжении XVII века требует дальнейшего более углубленного подхода в раскрытии темы подготовленности воевод к управленческой деятельности, в том числе их грамотности, а также вовлеченности в процессы документирования и архивного хранения документов.

В целом, с учетом изложенного, утверждения о безграмотности воевод, а также их отчужденности от ведения дел и хранения документов представляются спорными по крайней мере в отношении XVII века. И указы, и соответствующие инструкции сменяемым воеводам, выдававшиеся в виде грамот из приказа Казанского дворца, указывают на то, что в первую очередь именно они обязаны были обеспечить сохранность документов текущего делопроизводства и архива приказной избы для последующей передачи преемнику. При этом, как свидетельствуют источники, воеводы отвечали и за точность сведений в подписанных ими копиях архивных документов.

Список литературы

1. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изданы Археологической комиссией, под редакцией члена комиссии Николая Калачова. – Т. 2. – СПб.: Типография императорской академии наук, 1864. – X с., 870 стб.

2. Алатырский Троицкий мужской монастырь. Документы 1612–1703 годов / сост. В.Д. Кочетков, А.А. Чибис. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2015. – 512 с.

3. Андреевский И.Е. О наместниках, воеводах и губернаторах. Рассуждение магистра государственного права Ивана Андреевского, представленное в юридический факультет императорского С.-Петербургского университета для получения степени доктора государственного права / И.Е. Андреевский. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1864. – 156 с.

4. Аничкова О.М. Власть и властвующие в русских пословицах и поговорках / О.М. Аничкова // Новые российские гуманитарные исследования. – 2018. – №13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nrgumis.ru/articles/2022/> (дата обращения: 25.03.2024). – EDN ОХОЕКС
5. Глазьев В.Н. Городовое воеводство второй половины XVII в. / В.Н. Глазьев // Очерки феодальной России: сборник статей. Вып. 8 / ред. С.Н. Кистерев. – М.: УРСС, 2004. – С. 165–174. EDN VUKDTB
6. Димитриев В.Д. Документы по истории города Чебоксар XVII–XVIII веков / В.Д. Димитриев // Ученые записки ЧНИИЯЛИЭ. – Вып. XXI. – Чебоксары, 1962. – С. 282–318.
7. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв.: (Управление Казан. краем) / И.П. Ермолаев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 223 с. EDN RGYAST
8. Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа / сост. А.А. Чибис; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. – Т. 1. Документы Ядринской приказной избы второй половины XVII–начала XVIII века. – Чебоксары: ЧГИГН, 2017. – 640 с.
9. Басманцев Д.В. Чебоксары во второй половине XVI–XVIII веке: документы и материалы из фондов Российского государственного архива древних актов / авт.-сост. Д.В. Басманцев. – Чебоксары: ГИА ЧР, 2019. – 674 с. EDN SPOAJI
10. Чернышевский Н.Г. Областные учреждения России в XVII веке. Сочинение Б. Чичерина. Москва. 1856 / Н.Г. Чернышевский // Полное собрание сочинений. – в 15 т. Т. 3. – М.: Гослитиздат, 1947. – С. 568–584.
11. Чичерин Б.Н. Областные учреждения России в XVII веке / Б.Н. Чичерин. – М.: Тип. Александра Семена на Софийской улице, 1856. – 592 с.
12. Архив СПбИИ РАН. Ф. 157. Ядринская воеводская изба. Ед. хр. 116.